

На правах рукописи

ИВАНОВ Алексей Геннадьевич

ГЕРМЕНЕВТИКА ВЫМЫСЛА

(анализ опыта вымысла в процессе смыслообразования)

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Тюмень 2005

Работа выполнена на кафедре философии Тюменского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор **М.Н. Щербинин**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, доцент **Ю.М. Романенко**

доктор философских наук, доцент **В.А. Апрелева**

Ведущая организация:

Кемеровский государственный университет, кафедра философии

Защита состоится 16 декабря 2005 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Тюменском государственном университете (625003, г. Тюмень, ул. Перекопская 15а, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» ноября 2005 года.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор*

С.М. Халин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования вымысла как особого способа сознания и присутствия в культуре ирреальности, обусловлена тем, что ирреальное в самом широком смысле слова выступает тем фактором, который, действуя в разнообразных формах воображения, непосредственно участвует в конституировании реальности, преподнося ее в качестве мыслимой предметной сферы. Вымысел является здесь, пожалуй, самым интересным и показательным способом «явления ирреальности», так как он действителен. Вымышленные образы как бы растворены в актуальной для нас действительности, присутствуют в ней наряду с теми предметностями, которые осознаются как реальные, и, порой, балансируя на грани между «реальностью» и «фантастикой», ставят вопрос о статусе действительности как таковой, о ее реальности или иллюзорности. Появляется вопрос, который требует действительного ответа. Собственно тогда и появляется подлинная действительность, как сфера бытия, которая, во-первых, не определена в отношении своего онтологического статуса (реальна она или нет?), и, во-вторых, дана в опыте как мир, требующий действия, как мир, определяющийся только собственным действием, выступающим ответом на вопрос об этом мире реальности. Иными словами, действительность есть то, что можно и нужно изменять, и что возможно тогда, когда наличие ирреальности ставит мир под некое сомнение в его подлинности.

Однако, специфика современности в том, что вымысел вышел из сферы искусства как искусства и функционирует в сфере искусства как формы жизни в качестве своеобразного способа бытия. Ясно, что, ставя вопрос о вымысле из горизонтов современной культуры, современной ситуации, мы должны ввести в поле действия вопроса о вымысле и саму современность так, чтобы форма ее присутствия была бы уже отрефлектирована и предварительно ясна. Сложность в том, что современность в ее саморефлексии (постмодерн как современность «для себя») есть ситуация «неразличности» основных онтологических характеристик, в том числе и «реального / ирреального». Таким образом, вопрос о вымысле, предварительный концепт которого включает в себя «как бы реальность», становится вопросом о современности.

Степень разработанности проблемы. В античной философии определяются основные мировоззренческие, онтологические и гносеологические позиции, в рамках которых

вымысел как фиктивное мог быть осмыслен (философия элеатов, Платон, Плотин, Аристотель, Секст Эмпирик, Цицерон, Квинтиллиан, и др.), а в творчестве Лукиана, Петрония, Апулея вымысел впервые оформляется в художественном творчестве, отграничиваясь от эпоса.

В средневековой философии «вымысел», в целом, рассматривался как способ оформления моральных идей и поглощался своей дидактической функцией. Этот способ понимания вымысла, неизменный вплоть до И. Канта, непосредственно связан с античной еще идеей объективной красоты, сопряженной для созерцающего с истиной и бытием.

В философии Нового времени гносеологическая ориентация мысли делает возможным рассмотреть вымысел в его отнесенности к способностям сознания, к воображению, которое было определено Р. Декартом как один из модусов восприятия. Однако, ни у Декарта, ни у других выдающихся мыслителей Нового Времени (Ф.Бэкон, Т.Гоббс, Г.В.Лейбниц, Спиноза и др.), нет ни развернутой эстетической концепции, ни философии искусства, ни тем более понятия вымысла как чего-то, отличного от пустой выдумки. В XVIII веке складываются эстетические концепции (А.Баумгартен, отец Андре, Д.Юм, И.Кант). Но только для подхода И.Канта (отчасти для Д.Юма) наиболее значимым оказывается разрыв с «объективной красотой» и обоснование как эстетического, так и искусства на фундаменте «природы человека», благодаря чему осуществилась радикальная субъективация эстетического сознания, ставшему критерием для всего, что относится к искусству и красоте.

Последствия этого переворота проявляются уже в романтизме. Ф.-В. Шеллинг, Ф. Шлегель, Ф. Шиллер сумели обосновать искусство как высший способ деятельности человека, причем в том его аспекте, в котором искусство является вымыслом, то есть созданием несуществующего, фикции. С. Кьеркегор, отталкиваясь от романтического мирозерцания, в свою очередь, создает такую позицию, при которой вымысел уже получает возможность быть рассмотренным как способ бытия человека. Значима и эстетическая концепция Г.В.Ф.Гегеля, где впервые дается обоснование новому явлению в литературе – роману.

В результате действия многих факторов во второй половине XIX века требующая осмысления тема «фиктивного» появляется, а к концу XX века выходит на один из первых планов в философии. Так, в подходе, разделяемом представителями прагматизма (Ч.-С.Пирс,

У.Джемс, Д.Дьюи), Ф. Ницше («Учение о сознательно желаемом вымысле») и Х. Ваингером («Философия «Как-если-бы») наиболее значимо внимание к месту «фиктивного» в структуре мироотношения. Создание фикции расценивается как приспособление человека к окружающей среде, когда наиболее удачные фикции называются «правдой». В этом смысле человеческая культура неизбежно стоит на вымышленном основании, обеспечивающем «целесообразность» любой деятельности. Одним из вариантов развития этой фикционалистской концепции в XX веке является постпозитивистская философия науки, в частности «критический рационализм» со своим принципом фаллибилизма. Другой вариант, проистекающий из осуществленной Ф.Ницше критики разума как замаскированного фиктивной «правдой» выражения «воли к власти», реализуется в некоторых течениях постструктурализма и постмодернизма. Неустранимой, но по другим причинам, фикция оказывается и в марксизме, где она осмысливается, в целом, как «ложная идеология», пронизывающая сознание всего общества.

Одной из основных теоретических основ данного исследования выступает феноменологическая традиция, в которой, следует выделять различные подходы. В соответствии с принципами *феноменологии сознания* вымысел должен редуцироваться к воображению или фантазии как сущностным априорным характеристикам его возможности, коренящимся в устройстве трансцендентального сознания. Наиболее значимыми здесь выступает, во-первых, феноменология Э. Гуссерля, затрагивавшего проблемы фантазии, ее содержания и структуры, почти в каждой своей работе, и, во-вторых, ранняя философия Ж.-П.Сартра, нашедшая выражение в работе «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения», в которой автор выступает еще как дескриптивный феноменолог, не претендуя на разработку онтологических тем.

В *экзистенциальной феноменологии* (М.Хайдеггер периода «Бытия и времени», Ж.-П.Сартр в «Бытии и Ничто», Э.Левинас, Г. Марсель, М.Мерло-Понти, А. де Вэленс и др.) сделан упор на интуирование, описание и анализ априорных и фундаментальных оснований способов бытия. Для данного исследования важным является, во-первых, осуществленное М.Хайдеггером выделение «подручного бытия» (*Zuhandensein*) как нетематизированного для теоретического анализа сущего, схватываемого непосредственно и интуитивно, встроенного в систему отсылок «для того чтобы», замыкаясь в результате на смысл бытия вообще. Провести

анализ вымысла на этом уровне встречающегося бытия мы и попытаемся в данном исследовании. Во-вторых, для интерпретации вымысла на уровне бытия субъективности, вместе с осуществляющимися ею полаганиями относительно значимости и существования, интересно выделение Ж.-П.Сартром такого способа бытия человека как «самообман». В-третьих, значима позиция М.Мерло-Понти, выражающаяся в ориентации на постижение «первого контакта» человека с миром. Французский феноменолог выдвигает на первый план восприятие, видение, слух, телесность, коррелирующие с первичными феноменами мира – вода, воздух, огонь, земля и т.п. Описание воображения, вымысла как фундированных в таких перво-феноменах было осуществлено М.Мерло-Понти («Око и дух»), Г.Башляром, А.-Т. Тыменецкой («Логос и жизнь»). В редактируемом последней сборнике международных феноменологических исследований «*Analecta Husserliana*» с начала 70-х годов темы искусства, вымысла, художественного опыта, первичного конституирования мира в творческом движении, «возможных миров», эстетического выходят на первый план.

Специальное исследование эстетического в феноменологии осуществлялось Р.Ингарденом, М.Дюфреном, Л.Ландгребе. Для их подхода характерна акцентуация внимания на «эстетическом опыте» как интенциональном переживании и конструировании в нем «эстетического объекта». Также различные аспекты феноменологического подхода к исследованию воображения, вымысла, литературы проявились в трудах Х. Ортеги-и-Гассета, М. Вишке, Я.А. Слина, К.М. Долгова, М.К. Мамардашвили, И.Парк.

Неполным было бы наше представление о феноменологической традиции без обобщающих и поясняющих трудов Г. Шпигельберга, Ф. Фон Херманна, Н.В. Мотрошиловой, А.Хаардта, Ф.Лиотара.

М. Хайдеггер, углубляя свой герменевтический метод постижения непредметного, доходит и до пределов постижимого вообще, оформляя заявку на мышление поверх предметностей, событийно с самим бытием. Это стремление заводит М.Хайдеггера на путь онтологии искусства и «поэтического мышления». Наиболее ценные попытки воспроизвести подход М. Хайдеггера, одновременно прояснив его, принадлежат в отечественной философии В. Бибихину и В. Подороге, а в зарубежной В. Бимелю, О. Пётгелеру, Г. Биролту, В. Марксу, Х.Р. Зеппу, Д.Хэллибёртону, Д.Кокельмансу, П.Мак-Кормику.

Проблемы искусства, литературы, вымысла с разных позиций рассматривали также и представители философской герменевтики Г.Г. Гадамер, П. Рикер, Г. Яусс, В. Изер. Если для подхода Г.Г. Гадамера свойственно онтологическое центрирование толкования традиции, через которое мы можем выйти к самой «сути дела» и отсутствие интереса к субъективности читателя и автора, то Г. Яусс и В. Изер подходят к искусству как системе отношений «автор-произведение-реципиент». В.Изеру принадлежит одна из самых разработанных «теорий фикциональности», отдельные положения которой использованы в данной работе. В герменевтике П.Рикера, которая строится как синтез экзистенциального постижения, рефлексивной проработки и семантического анализа, подход к вымыслу обусловлен введенным автором понятием «нарративной конфигурации» как синтеза разнородных явлений в единое целое повествования. Обращается внимание на вымышленный опыт времени.

Отдельные положения герменевтического подхода, проясняющие его, затрагивали Б.Г.Соколов, Е.Н.Шульга, И.С.Вдовина.

Важное значение для понимания феномена «вымысла» имела его разработка в аналитико-философской традиции, где был поставлен вопрос о логической природе вымышленной речи, о характере осуществляемой вымыслом референции, об онтологическом статусе вымышленных миров, о возможности «вымышленной истины» и т.д. К этому направлению относятся работы Д.Сёрля, Б.Миллера, Д.Льюиса, Г.-Н.Кастанеда, Г. Курри, Я.Хинтика, Н.Гудмена. Анализ вымысла с позиций аналитической философии был произведен П.А.Каюровым.

Также в исследовании использовались некоторые значимые концепции и выводы, относящиеся к близким феноменам, сделанные в рамках: структурализма и семиотики (М.Фуко, Г.Шпет, Ю.М.Лотман, Ю.Н.Тынянов, Ц.Тодоров, В.Я. Пропп, Н.Фрай, У.Эко), экзистенциализма (Ж.П. Сартр, А.Камю, А. Кожев, Ж.Батай, Л.Шестов), постструктурализма и постмодернизма (Ж.Деррида, Ж.Делез, Р.Барт, Ю.Кристева, Ж.Бодрийяр, Р.Рорти, Б. Кассен, В.Руднев, П.Козловски), психоанализа (Ж. Лакан, З. Фрейд, С. Жижек).

Среди авторов, исследовавших вымысел и близкие вопросы в эстетике, литературоведении и философии искусства значимы работы Т.Адорно, В.В. Бычкова, Н.Б.Маньковской, В.М.Диановой, Л.А.Закса, Ф.Лаку-Лабарта, В.Г.Арсланова, М.А.Лившица,

Л.Г.Юлдашева, В.Н. Ждана, Н.А.Кормина, С.А. Лишаева, А.Ю. Нестерова, Э.Ауэрбаха, А.Шёнле, Ж.Женетта, М. Риффаттера, Г.К. Косикова, А.В.Михайлова, Н.Н.Смирновой.

Значительную роль в исследовании имеет прояснение ментальности различных культур, поэтому следует обратить внимание и на работы культурологического характера, не имеющие зачастую прямого отношения к исследованию вымысла, но позволяющие понять фон, контекст, или, напрямую, логику актуализации вымысла в действительной жизни культуры. Отметим следующих авторов: М.М.Бахтин, В. Вейдле, В.С.Библер, А.Я.Гуревич, Ж.Ле Гофф, А.Ф.Лосев, С.С.Аверинцев, А.В.Гулыга, Р.Тарнас, Р.Гвардини, П.П. Гайденок, Э. Панофски, В.Беньямин. Тему вымысла в контексте эсхатологизма европейской культуры разрабатывали Ф. Кермоуд, Ф.Крюзигер, О.Марквард.

Проблемы соотношения бытия и ничто, реального и символического, бытия и действительности изучали С.Д.Лобанов, А. Макушинский, А.Н.Чанышев, А.И.Селиванов, Ф.И.Гиренок, Д.Орлов, А.Секацкий, Т.Горичева. Существенную для понимания вымысла проблему воображения в отечественной литературе исследовали Я.И.Голосовкер, Ю.Бородай, М.С.Каган, Ю.М.Романенко, А.А.Басова, М.В.Николаева. Особенности поэзии, «поэтического мышления», онтологической укорененности поэтического слова посвящены работы: Л.В.Карасева, И.В.Пермякова, Т.А.Касаткиной, С.Л.Тюкиной. Проблема вымысла как необходимого звена в процессе смыслообразования, рассмотренного через генезис искусства, разрабатывалась М.Н. Щербининым и А.И. Павловским.

Также различные аспекты вопроса, требующие осмысления при изучении вымысла, рассматривали А.Агомхаммади (проблема лингвистического редукционизма), Ю.И.Романов (определение художественного образа), Н.И.Фатиев (вопрос о «возможных мирах»), О.А. Чулков (метафизика зеркального отражения), В.В.Шведченко (искусство как «кризисное конструирование»), К.Л.Романовский, И.Ф.Игнатьева (проблема «артефакта»), В. Мильдон (судьба художника в современной эстетике), Э. Сурио, Л.Б.Капустина (взаимосвязь искусства и философии), С.В. Пронкина (герменевтика творчества). И.А.Веселовская (историческая реальность и вымысел), А.В.Павлов и В.Т.Галкин (первобытность как ментальное состояние современности).

Однако, несмотря на актуальность вопроса и более чем обширный круг уже охваченных исследованием тем, можно сделать вывод, что обобщающего исследования

вымысла до сих пор предпринято не было, и, следовательно, концептуализация «вымысла» остается вопросом насущным и необходимым.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает культура в своем динамическом аспекте, взятая как смыслообразование, но преломленная через призму «вымысла», который есть такое воображение, что выступает как действие, «действительное воображение» и требует для своего исследования особенных процедур.

Предметом исследования выступают те аспекты, в которых вымысел является сознанию, воплощается в культуре («вымышленный образ», «вымышление», «текст», «язык», «произведение», «поэзия», «проза», «миф»), через которые является нам понятным именно как вымысел («образы вымысла» - фикция, творчество, зеркало), а также те структуры жизненного мира, которые выступают априорными условиями вымышленного опыта (реальное-действительное-символическое).

Цели и задачи исследования. Цель: исследование вымысла как целостного, нередуцируемого к своим составляющим концепта, который имеет рефлексивное и экзистенциальное измерения. Достижение цели предполагается через решение ряда задач:

1. Продемонстрировать изменение коренного для «вымысла» концепта «воображение» начиная с И. Канта до современности, и выяснить логику его развития;
2. Описать вымысел как акт сознания (cogito) и коррелятивный ему образ (cogitatum), разграничив его с соседствующими феноменами;
3. Рассмотреть понятие «вымышленного мира» как той сферы, которая для вымышленного образа составляет аналог «реального мира», а также соотнести понятие «вымышленного мира» с понятием «возможного мира»;
4. Раскрыть содержание «вымышленного опыта» со стороны автора, читателя и связывающих их структур опыта;
5. Обосновать значимость понятия «вымышление» для герменевтического анализа укорененности вымысла в онтологических структурах жизненного мира;
6. Прояснить содержание тройственной структуры «реальное-действительное-символическое» как основной для вымышленного опыта структуры «бытия-в-мире»;
7. Исследовать видоизменение этой структуры в опыте вымышленной речи;

8. Показать внутреннюю логику «вымысла» как развивающегося концепта в логическом, культурологическом и психологическом измерениях его воплощения;

9. Раскрыть историческое измерение «логики вымысла» через анализ а) мифологической, б) античной, в) средневековой, г) нововременной, д) современной культур, показав смысл вымысла в разных «картинах мира».

Методология исследования. Современная культура как естественная предпосылка мышления диктует свои требования к методу. Мы нуждаемся в методе, позволяющем понять вымысел как концепт. Концепт вымысла по минимуму есть согласование двух серий, двух планов, проясняющих друг друга посредством нетематизируемой связи, составляющей третий, пограничный план концепта.

Первый план: наличное, осознаваемое, данное, осмысленное. Основной критерий здесь, - это данность сознанию. Вымысел рассматривается здесь согласно правилам «феноменологии сознания», предписывающей понимать предмет как «переживание сознания», описание которого достигается путем двуединой направленности внимания: во-первых, на сам предмет, как он дан в сознании, и, во-вторых, на способ его осознания. Вымысел на этой ступени достижим как «образ» и «сознание образа» (воображение). В исследовании «вымышленного образа» как интенционального коррелята «воображения» нужно достичь понимания его сущностной структуры как «самого по себе», так и в соседстве с другими сходными феноменами. Это исследование будет иметь углубляющийся характер: от образа как «вещи в сознании», через «вымышленный мир» до образа как «образа действия», сопряженного с испытываемым при этом опытом. На этом последнем уровне феноменологическое описание «вымысла в сознании» достигает своего предела, так упирается в то, что «опыт» задается извне той области, которая доступна для ясного и непротиворечивого предметного представления.

Второй план: не наличное, а предполагаемое, не предметное, а скрытое. Здесь мы обращаем внимание на ту область непроясненного, которая, выступая фоном для ясных и отчетливых феноменов сознания, сама всегда остается вне тематического исследования. На этом уровне пригоден фундаментально герменевтический подход, ориентированный, в целом, на интерпретацию «скрытого смысла» феноменов. Особенностью герменевтического подхода является то, что внимание направляется не столько на специфику «вымысла» как такового,

сколько на те априорные, фундаментальные структуры жизненного мира, которые вообще делают вымысел возможным и которые, по сути, и являются предметом подлинного интереса. Но, по словам Г. Шпигельберга, опасностью этого проекта является то, что «выигрывая в глубине, здесь можно, скорее всего потерять в непреодолимой ясности».¹

Таким образом, ни один из этих планов с соответствующими методами исследования не абсолютен. Следовательно, совмещение исследования двух этих планов, один из которых относит к непроясняемому до конца пространству жизни, а другой вмещает в себя сферу рационального, должно осуществляться без редукционизма одного к другому. Феномен вымысла должен исследоваться так, чтобы мы могли, по словам М. Мерло-Понти, «в состоянии прояснить его (феномена – А.И.) соприродность жизни и рациональную интенциональность»,² без потери рационального в глубине жизненного мира и без плоской рационализации условий бытия. Это возможно если мы обратим внимание на человека в его бытии (экзистенция) как ту «парадоксальную инстанцию», которая и соединяет эти серии.

Третий план: экзистенциальный. Экзистенция суть граница между двумя выше указанными планами. Она между бытием и небытием, реальным и символическим, своей подлинной жизнью и той сферой осознанного, в которой жизнь способна приобрести смысл. Поскольку нас интересует экзистенция, которая совершает опыт вымысла, то способ ее бытия должен быть рассмотрен в модусе вымысла как совпадающий с логикой вымысла. Для выделения качественной связи «образов вымысла» в их осуществлении использовались элементы диалектического анализа. Также логика вымысла должна быть замкнута на свое историческое осуществление, а экзистенциальный этап должен быть выполнен как исторический. Это значит, что вымысел должен быть осмыслен как встроенный в осуществление проекта бытия европейского всеобщего субъекта самосознания, продолжающего свое бытие в самосознании каждого европейца. Здесь нам нужна такая реконструкция ментальности античной, средневековой, нововременной и современной культур, при которой вымысел, в том или ином его аспекте (фикция, творчество, зеркало) рассматривается как неотъемлемый элемент целостной «картины мира» в свете которой «вымышленный опыт» и приобретает смысл. Описывая ментальность эпох мы применяли элементы: 1) феноменологического подхода; 2) герменевтики; 3) структурного подхода.

---

¹ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. – М.: Логос, 2002. – С.674

² М.Мерло-Понти Феноменология восприятия. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999 - С.86

Также использовались элементы психоаналитического подхода (в трактовке Ж.Лакана и С.Жижека), теории речевых актов (по Д.Серлю), аналитической философии (Д.Льюис, Г.-Н.Кастанеда, Г.Курри), но их применение носило скорее вспомогательный, чем собственно методологический характер.

Научная новизна.

1. Исследование реализует подход к вымыслу как к сложному, многосоставному, нередуцируемому концепту, претендует на описание вымысла именно как вымысла, специфического акта «действительного сознания», который не может быть растворен как ни в одном из тех наличных аспектов, через которые он проявляется, так и в более обширных априорных условиях, делающих его возможным.

2. В работе дается обоснование применению методологии исследования концепта как одновременно и формы мысли и формы жизни. Эта, герменевтическая по смыслу, методология соединяет дескриптивно-феноменологический, фундаментально-герменевтический и экзистенциальный, протекающий в логическом и историческом измерениях, подходы. Это позволяет «захватить» концепт на уровне сознания, на уровне до-рефлексивного постижения жизни и на уровне его исторического осуществления.

3. Выделены «образы вымысла» (фикция – творчество - зеркало) являющиеся его различными, но взаимосвязанными аспектами, и в которых вымысел обретает смысл и размерность своего осуществления в логическом, культурологическом, психологическом и историческом планах.

4. Проанализировано историческое измерение вымысла, что позволило нам прояснить смысл его присутствия в картинах мира различных культур.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Коренной для вымысла концепт «воображения», со времени его фундаментального осмысления И.Кантом, проделал путь от фиктивной для рассудка природной способности порождения (фикция), через отождествление природы и субъекта в порождающей способности (творчество) до полного слияния с субъектом и его деятельностью (зеркало).

2. «Вымышленный образ» и коррелятивное ему сознание занимают, по характеру осуществляемых полаганий, промежуточную ступень между «образом чистой фантазии» и «образом реально сущего».

3. «Вымышленный мир» как сложное сочетание реального и фиктивного, является пространством опыта, из которого актуализируются «возможные миры» как онтологически значимые интерпретации.

4. «Вымышленный опыт», проявляющийся в «заклучении в скобки» реального полагания, и проистекающей из этого «подвешенности» двух пластов опыта (фактичности и трансценденции), отсылает к самообману как своей возможности.

5. «Вымышление» есть форма, установка, под влиянием которой воображение приобретает неуловимое с точки зрения анализа сознания качество именно «вымышляющего».

6. В определяющей для жизненного мира структуре «реальность / действительность / символическое» вымысел по своему смыслу должен дать действительности реальность, соединить в себе собственно символическое и показать реальное.

7. Осуществление вымысла в действительном дискурсе аналогично задается оппозицией «язык / речь / текст».

8. Логика вымысла выражается через движение «образов» вымысла: «фикция-творчество-зеркальность».

9. Смысл вымысла задается: а) в античной культуре в диалоге мифологии, онтологии и логологии как, соответственно, «возвращенный миф», «небытие» и «речь, произносимая ради удовольствия»; б) в средневековой появлением идей «творчества» и ответственности человека за мир, находящийся под угрозой эсхатологического уничтожения; в) в новое время изменением эсхатологического сюжета (конец мира становится имманентным) и изменением природы человека, ставшего субъектом; г) в современности тем, что субъект, децентрированный и разорванный на множество составляющих стремиться «собрать себя»; д) в постмодерне совпадением субъекта с миром, ситуацией неразличности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Данное исследование представляет собой попытку осмысления современности через призму такой ее составляющей как вымысел. Анализ процесса смыслообразования именно в его «вымышленной» специфике может поспособствовать прояснить специфику современной культуры, характеризующейся отсутствием четкого осмысленного различения действительного и недействительного,

реального и ирреального. Также материалы диссертационной работы могут использоваться в разработке и чтении курсов по философии, культурологии, эстетике.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования обсуждались на кафедре философии Тюменского государственного университета, на кафедре онтологии и теории познания УрГУ им. А.М. Горького в рамках стажировки (ноябрь 2003 г.), а также на междисциплинарном семинаре «Философские и духовные проблемы науки и общества» (СПбГУ, 24 декабря 2004 г.). Отдельные положения работы легли в основу двух статей и тезисов доклада.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав и десяти параграфов, заключения и библиографии. Работа изложена на 180 страницах, список литературы содержит 210 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, выявляется степень разработанности рассматриваемых проблем, определяются объект и предмет, цель и задачи диссертационной работы, ее методология; показывается научная новизна и практическая значимость исследования.

Основной целью **первой главы «Понятие вымысла»** является рассмотрение следующих аспектов вымысла: концепт воображения как предпосылка концепта вымысла, сам вымышленный образ в совокупности с вымышленным миром и вымысел как «образ действия».

В *первом параграфе «Концепт «воображения»* анализируется содержание и логика развертывания концепта «воображение» как базовой предпосылки для понимания вымысла. Здесь мы начинаем с Кантовского учения о воображении как трансцендентальной способности, а затем обзорно характеризуем посткантовские вариации проблематики воображения. Произведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Первой ступенью концепта «воображение» является его отождествление со слепой продуктивной силой природы в порождении новых форм бытия, которая, однако, проявляется в сознании человека как основная способность души, обуславливающая возможность априорных знаний (Кант);

2) Впоследствии воображение субъективизируется вместе с самой природой, а субъект последовательно вмещает в себя все возможные ее характеристики, в силу чего теряет свою определенность как действующего посредством рассудка актора, сливаясь в своей неопределенности с «существованием». Субъективизированное воображение в силу этого также получает возможность отождествления с «существованием»;

3) Концепт воображения, рассмотренный с антропологической точки зрения, а именно как специфическое выражение истории самосознания всеобщего европейского субъекта, представляет эту историю как историю борьбы человека с природой (в иных терминах это борьба познающего и законодательствующего субъекта с тем, что есть Иное, Другое этому субъекту – внеразумное и беззаконное бытие). «Логическое измерение» этой истории воображаемого условно угадывается через движение трех определений, являющихся «образами воображения» (фикция-творчество-зеркало), и взаимодействие которых задает форму и смысл конкретным проявлениям воображения, в том числе и «вымыслу».

Второй параграф «Вымышленный образ и его сознание» посвящен описанию вымысла как специфического акта сознания, вместе с тем, что в этом акте сознания необходимо для него присутствует в качестве интенционального коррелята (вымышленный образ), который в свою очередь должен также определяться в своей специфике (онтологический статус вымышленного образа). Также предварительно проясняется понятие «вымышленного мира». Тезисно, изложение основных идей параграфа сводится к следующим положениям:

1) Первоначально, вымысел есть «ирреализующий акт», имеющий свою специфику среди широкого спектра воображаемого. С *чистой фантазией* вымысел схож своей рефлексивностью и осознанностью, но отличается по характеру своего протекания. Если фантазия принципиально произвольна по отношению к любой наличной данности, то вымысел относит к наличному образу, данному через текст (для читателя), и к набору правил, описывающих процесс создания (для автора), функционирования и интерпретации вымышленного. С *мечтой и грезой*, которые отличаются от вымысла как своим полурефлексивным и полупроизвольным характером, так и иллюзией трансцендентности (реальности) своего содержания, вымысел однако совпадает тем, что его содержание, как и содержание мечтаний, наполнено жизненно значимыми смыслами. Также от вымысла

следует отличать *воспоминание* как относящийся к реальности акт воображения и *галлюцинацию* и *сновидение*, которые являются произвольными, пассивными формами воображения, а также различные *гипнотические, экстатические и трансовые* состояния;

2) Вымышленный образ в его данности сознанию занимает промежуточное положение между образом реально существующего, что отсылает к условиям того восприятия, в котором он был дан первично, или может осуществиться и образом чистой фантазии, отсылающим к возможностям сознания. Этот пограничный статус «как если бы реальности» складывается из «несуществования» вымышленного образа относительно реальности и его «существования» относительно «вымышленного мира»;

3) «Вымышленный мир» есть, во-первых, то пространство, которое открывается вымыслом, состоит из взаимосоотнесенных вымышленных образов. Во-вторых, это некое всегда предполагаемое, но никогда не данное смысловое единство, выступающее для вымышленного образа функциональным аналогом реальности.

Целью *третьего параграфа «Вымышленный мир»* является ответ на вопрос: каково взаимоотношение «действительности», «вымышленного мира» и «возможного мира» и на каких основаниях оно возможно?

В первую очередь разграничиваются понятия «вымышленный мир» и «возможный мир», поскольку не всякий возможный мир является вымышленным, как и наоборот. «Возможный мир», по мысли Н.Гудмена, как онтологически значимая интерпретация или создается, или принимается всерьез, оценивается в своей истинности, правильности, уместности и т.п. «Вымышленный мир», в своем «как если бы» модусе как таковой не претендует ни на что подобное, однако он создает условия для того, чтобы нечто происходящее внутри было принято как реальность. Проще говоря, «возможный мир» раскрывается в вымышленном, актуализируется в нем и из него.

Затем проясняется соотношение «вымышленного мира» и «действительности». Нужно отметить, что нельзя отождествлять «вымышленное» и «фиктивное» (как очевидно несуществующее, ложное, фантастическое, внутреннее противоречивое) и на этом основании противопоставлять вымышленное реальному. Скорее, вымышленный мир представляет собой сложную совокупность фиктивных и нефиктивных объектов, сам же «вымысел» является способом их связывания в определенной перспективе. Вымышленный образ, взятый в фокусе,

как центр интереса, сознается как обнажающий свою фиктивность, свидетельствующий о ней. Но фоном для этого полагания служат сложные и многослойные отсылки, связывающие его с миром нашей повседневности. Если сказать точнее, то горизонт вымышленного мира есть и горизонт мира «реального», то есть того, в котором нам привычно жить. Также, между реальным и ирреальным полаганиями нет «онтологической пропасти», так как и то и другое есть лишь различные вариации естественного восприятия в модусе повседневности и оба они через нее равным образом достижимы. Из этого следует, что степень «фиктивности» (фантастичности, нереальности) вымысла есть величина переменная, зависящая от тех условий, в которых происходит восприятие вымысла, от структуры и содержания этого восприятия.

В четвертом параграфе *«Опыт вымысла и действительность»* вымысел описывается как «образ действия», причем описание реализуется с трех сторон: со стороны автора, со стороны читателя и со стороны связывающих их структур опыта.

Со стороны реального автора вымысел есть, во-первых, интенция к написанию сочинения, не претендующего на истинность. Во-вторых, автор руководствуется еще и идеей «обнажения фикциональности». В результате текст специально дает о себе знать как о вымысле с помощью набора сигналов, что есть результат культурно обусловленных конвенций. Конкретные маркеры «вымышленности» текста многочисленны и различны, от внетекстуальных до структур самого текста, но ни один из них не следует считать определением вымысла, но «всего лишь свидетельством того, что произведение скорее вымышленное чем не-вымышленное»³.

Со стороны читателя вымысел есть специфический способ чтения, лишь частично зависящий от характеристик самого текста. И.Парк писал: «Можно прочесть «Мадам Бовари» как биографию реальной женщины или насладиться «Исповедью» Руссо как романом от первого лица. Ясно, что отличие вымысла от не-вымысла не в тех качествах, которые мы можем определить в физическом смысле»⁴. Но, следовало бы добавить, разница в особой организации опыта, сопровождающего восприятие текста как вымысла. Уместно говорить, в первую очередь, об отсутствии претензии на референцию, что находит выражение в конвенциональной форме. Между автором и читателем существует таким образом некая

³ Currie G. What is fiction? // The journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 43, № 4 (Summer, 1985), 385-392 – p.385

⁴ Park Y. The function of fiction // Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 42, № 3 (Mar. 1982). – P.416

взаимная готовность играть по правилам и воспринимать текст как вымышленный.

На уровне переживаемого опыта, вымысел есть, по минимуму, опыт двусмысленности, в котором открываются две перспективы – телесного и бестелесного бытия, удерживающиеся в «подвешенном» состоянии. Эти перспективы, в свою очередь, отсылают к исходному противоречию человеческого бытия, определенному Ж.-П. Сартром как бытие и «фактичностью» и «трансцендентностью», а отказ вымысла от разрешения этой антиномии позволяет трактовать его как укорененному в таком способе бытия субъективности как «самообман».

Отсылка к «способам бытия» выводит исследование за пределы четко и ясно осознаваемых предметностей и структур сознания, и следующий шаг должен обратить нас от наличных аспектов вымысла к тем структурам, которые координируют вымышленный опыт, оставаясь незамеченными.

Вторая глава «Герменевтика «вымышленного пространства» посвящена герменевтическому прояснению онтологических структур жизненного мира, которые, с одной стороны, задают вымыслу смысл, а с другой, сами появляются только с учетом наличия опыта вымысла.

В *первом параграфе «Вымышление»* рассматривается коррелятивная «вымыслу» процедура «вымышления» как форма, установка, под влиянием которой воображение приобретает качество именно «вымышляющего». В словаре Даля «вымышлять» определяется как «выдумывать, придумывать, отыскивать и находить мыслями, думой». «Отыскивать нечто» значит, что этого «нечто» нет в наличии, но оно уже неналично, нетематически, сопутствующе или предшествующе явлено, как феноменальный образ, или *всеобщее*. Вымышление, таким образом есть интимно-личностное мышление всеобщего, нерасчлененное еще во внешней ему области дискурсивного.

Эта посылка позволяет интерпретировать вымышление с помощью идеи «внутренней речи», понятие которой предложил Л.С.Выготский и развивал В.С.Библер. Среди выделенных ими характеристик «внутренней речи» отметим следующие: 1) Внутренняя речь – это тесная связанность интериоризации социальных отношений и связей, переплавляющихся в сознании, и интенции «овнешнения», экстериоризации. Второй аспект, по В.С. Библиеру, даже более важен. В нем «внутренняя речь» предстает как «сосредоточенный в понятии зародыш новой

культуры, пока не положенной предметно и не расчлененной во внешней социальности»⁵; 2) Внутренняя речь - это *смысловая сторона речи*, и это «речь для себя», но не для других. Однако, на уровне своего осуществления, своего выхода в дискурс и преобразования в «речь для других», «внутренняя речь» преобразуется в конкретную культурно оформленную практику. Таким образом, представление о вымышлении дает нам шанс понять вымысел как антиномичное единство. И первая из этих антиномий: *внутренняя речь-вымышление - конкретные дискурсивные практики*.

«Вымыслить», по Далю, есть также «умудриться, ухитриться у какого то дела», то есть уметь не только отыскать, но и про-извести найденное, то есть «техника», понимаемая здесь в духе Хайдеггеровской интерпретации «*techne*» - как «выставление в непотаенность» (или: переход от внутренней речи к культурному действию). Вымышление, таким образом, есть приведение феноменального образа к наличному, приведение феномена к самопоказыванию.

Во *втором параграфе «Вымысел и «действительность»* анализируется основополагающая для жизненного мира структура «реальное-действительное-символическое».

«*Сама реальность*» всегда находится «до» того способа всматривания, в котором она обнаруживается, до рефлексии, то есть это безобразная, до-рефлексивно переживаемая достоверность, подлинность. Поэтому совершенно противоположным «реальности как таковой», ее Иным, является не «ирреальность», но сфера *символического*, осознанного и зависящего в своем существовании от сознания. Жизненный мир человека – это всегда мир «между», в котором уже произошло некоторое понимание реального посредством символического, а способ их взаимоувязки есть *картина мира*. Для современности таковой является *действительность* – тот образ мира, который характерен для европейской мысли с конца XVIII века. Действительность в самой общей формулировке есть *мир человеческого действия* как выхваченная из реальности сфера, в которой возможно не быть, не существовать, а действовать.

Вымысел как действие и как событие есть со-пересечение реального и символического, устанавливаемое при участии субъекта, устраивающегося в мире. Вопросы,

---

⁵ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – С.112

которые нас интересуют, стало быть, следующие: 1) что есть в опыте вымысла реальное, 2) символическое и 3) что есть субъект.

Реальность в опыте вымысла дается как *утраченная*. Она конституируется как маскируемая каким либо символом, позволяющим дать реальность именно в ее отсутствии, как потерю. Помимо символа реальность предоставляется субъекту как *фон*, или как *горизонт*, учреждающий в глубине сопологаемых фикций, символов и опознаваемых предметностей фигуры неразличимости, в которых реальное настолько повседневно банально, что просто не замечается.

Символическое, напротив, наиболее ярко, выпукло, звучаще проявляет себя именно в вымысле, где можно действовать почти без оглядки на существующие структуры миропонимания. Освобождения от них, конечно, не происходит, но они вводятся в игру иначе. Их непосредственная значимость, которая вне рефлексии и, соответственно, в действительности, становится полем представлений, которыми можно оперировать. И, наоборот, именно символическое в вымысле всегда находится на авансцене. Относя к всеобщему эйдетического, к сущностям, символическое сужает поле действия субъекта, ограничивая его набором существующих правил. Это как бы поза, или жест, с помощью которого предположительно выражается реальное, но здесь есть нюанс. Так героиня «Бессмертия» М. Кундеры думала что выражает реальность своей индивидуальности через свойственный ей жест, пока не увидела, что этому жесту подражает ее сестра, пока не поняла, что жест уже не принадлежит ей, и, наверное, никогда не принадлежал, что, вообще, *жестов меньше чем людей* и, что, следовательно, жесты и позы, которые мы занимаем, вообще ничего не выражают кроме самих себя.

Таким образом, ни сфера реального, ни сфера символического не предполагаются в опыте вымысла как самодостаточные, но благодаря свойственной вымыслу двусмысленности их значимость остается неопределенной. Вымысел утверждает только реальность действующего субъекта, познающего себя как свободу решения относительно любой представленной значимости. Являясь действием, лишенным реальных предпосылок и последствий, вымысел преподносит себя как некое чистое действие, имеющее смысл не в своих реальных послылках и результатах, но предстающее в качестве сущности, безразличной к своему существованию. Проще говоря, подлинной действительностью вымысла обладает

только *действующий субъект*, данный в опыте вымысла как *средоточие самой действительности*.

В третьем параграфе *«Вымышленная речь. Язык и текст как модусы речи»* вымысел рассматривается как осуществляющаяся в действительном дискурсе «речь», заданная оппозицией, которую мы интерпретируем, находя прообраз в мысли М.Хайдеггера о динамике «сокрытия-раскрытия» (Земли и Мира) в художественном творении. Эту динамику в литературной речи мы предлагаем понять как взаимодействие *языка и текста*, что выступают как возможности внутри самой речи, противонаправленные, но взаимопринадлежащие друг другу.

«Опыт текста» имеет свой исток в опыте пространства, отвлеченного от своих физических составляющих. Так, пространственно мыслится семиосфера Ю.М. Лотмана, по образу ландшафтного опыта идет рефлексия над «текстом» у Р. Барта и т.д. Опыт внефизического пространства начинается в исходящем от греческой онтологии стремлении представить чувственно неналичное, сделав его наличным умозрительно, но через пластический, пространственный образ - эйдос. Текст относит к пространству умозрительного, к сфера взаиморасположенных эйдетических сущностей, а интерпретация этой идеи в духе динамики сокрытия/ раскрытия позволяет говорить, что суть того раскрытия, что происходит в литературном вымышленном образе, в его осуществлении от читателя в направлении достраивания восприятия до эйдетического. Мир, раскрытый литературой, есть, таким образом, мир свободного сотворчества, мир эйдетики – наглядных сущностей. Это также и мир интерпретативных практик в пространстве эйдосов, мир игры и создания новых смыслов. Это и мир торжества индивидуума в его праве на раскрытие сущего до эйдетически наглядного.

С опытом текста соотносится опыт закрытого, тайного и непроященного – опыт «языка» и поэзии. Опыт поэтического слова в вымышленной речи есть аналог опыта реальности в «естественной установке». Ж.-П.Сартр подметил, что поэзия не использует слова, скорее слова сами задействуют человека так, что в этом задействовании он становится поэтом. Слова в поэзии не отсылают к образу, но живут своей жизнью, как «частицы природы», на земле и по ее законам, словно трава и деревья.⁶ Однако, слово «само по себе»

---

⁶ Сартр Ж.П. Что такое литература. – СПб.:Алетейя, 2000. – С. 13-14.

немыслимо, оно раскрывается посредством речи только через образ, отсылающий к тексту. Реальность языка, открывшись в текст, сама может быть усмотрена только как ирреальность (чистое событие), ибо она усматривается нами всегда уже из текста, который как наша действительность неизбежно для нас реален.

В третьей главе «Вымысел как развивающийся концепт» вымысел рассматривается в своей динамике как самоизменение в логическом и историческом аспектах.

Первый параграф «Логика» вымысла» вновь возвращает нас к выделенным в начале работы образам воображения (фикция-творчество-зеркало), которые теперь анализируются как «образы вымысла», тесно связанные друг с другом и предполагающие друг друга. «Фикция» (копия, подобие, отражение, ничто) как онтологический смысл есть, во-первых, бытие-в-себе, и, во-вторых, небытие-для-другого. Это значит, что «как бы бытие», имеющее фиктивность своим началом, есть, существует именно как несуществующее. Это небытие, которое существует. Для Другого «как бы» не есть, просто не может быть как фиктивное, оно небытийствует с точки зрения устанавливаемой Другим прагматики взаимоотношений. Поэтому «как бы» совмещает в себе эти два указанных начала (бытие и ничто), две потенции, которые в своем движении из одной точки актуализируют одновременно разные смыслы. «Творчество» в этом аспекте есть борьба за признание другого, борьба за стремление совместить бытие-в-себе с бытием-для-другого. В силу двусмысленности начала творчество противоречиво. Оно раскрывается как движение, но как будто бы разнонаправленное. Это есть, с одной стороны, преодоление своего небытия, превозмогание ничто, - и в этом смысле воплощается принцип творения из ничего. А с другой стороны, фиктивное борется за утверждение своего бытия, себя в качестве того, что оно есть для себя, то есть в качестве ничто. Творчество поэтому, в своем самом предельном выражении, понимается как возрастание бытия, смысла путем наращивания присутствия ничто, фикции. Вымысел доводит через творчество свою фиктивность до окончания, когда Другой признает бытийственность фикции, ибо сам становится фиктивен. Однако тем же самым потенция фиктивности полностью переходит в бытие и фикция, которая признана, не есть более бытие-в-себе. На стадии «зеркала» вымысел – это бытие, которое не существует, или, другими словами, небытие-для-себя и бытие-в-другом. «Зеркало», являясь неким квази-другим, моментально переводит несуществующее в зримый образ, позволяя убедиться в том, что признание

состоялось. Гарантия признания вводит в игру неразличенность, которая становится естественным местом мысли и вымысла. Зеркало поэтому есть как образ завершения, так и образ начала.

Во *втором параграфе «Вымысел в до-современную эпоху»* анализируются первобытная, античная, средневековая и нововременная «картины мира». Это исследование ведется не для того, чтобы выяснить были или не были явлены фактически примеры того, что мы сейчас назовем «вымыслом», но для того, чтобы понять его смысл и значение в той или иной культуре.

Для первобытности нет вымысла, ибо нет принципа самосознания, способного удерживать несовместимые перспективы. Выражение первобытного это миф, в котором еще не произошло распадение реального и символического. Вымысел присутствует в первобытном сознании только в своей потенции, как вымышление, или внутренняя речь, выражающая только желание (как и образуется «логика мифа» Я.Э.Голосовкера, выделявшего в качестве одного из законов мифа постулат «так хочет моя логика»). Первобытность свидетельствует именно о внутреннем, еще не вымышленном, не пришедшем в овнешняющее движение состоянии мысли, в котором, тем не менее, можно назвать вымышленным все. Миф, пред-вымысел недискурсивен.

Смысл вымысла в античности задается диалогом трех ментальных состояний, условно выступающих как этапы культурного генезиса: мифологии, онтологии и логологии. Для *мифологии* фикция есть действующий миф, актуальное небытие; другими словами - это миф, возвращенный посредством правдоподобной иллюзии. Такой миф изымается из сферы своего истока и предоставляется в распоряжение человеку, представляющему согласно правилам. Место фиктивного в космоцентрической картине мира, представленной «с вершин» *онтологии* (элеаты, Платон, Плотин) есть попросту *неправильное видение*. Поэт, создающий фикцию, на самом деле подражает эйдетическому, но эйдетическое не фикция. Получается, в полном согласии с Парменидом, что фиктивного нет, так как немислимо и само представление о том, что может *быть* нечто фиктивное. Для античной *логологии* (первая и вторая софистика, риторика), интуиция Бытия перестает быть первоочередной задачей и на первый план выходит ориентация в поле многообразия дискурсов. С точки зрения Б.Кассен, рассматривавшей возникновение вымысла и литературы в контексте софистики, отрыв от

Истины в том смысле как она понимается в онтологии и от Аристотелевского «означения», создает возможность речи, произносимой «ради удовольствия», которая и является вымыслом: *pseudos*, который осознает себя как *pseudos*.

Средневековая картина мира строится из корневого противоречия личного и отчужденного. Личное – это моя душа и Бог, отчужденное – «подвешенный» между нами мир. Взаимоотношения *Бога и души* описываются как «спасение», через идею которого в европейскую культуру вливается возможность творчества, ведь человек может спастись, если принципиально возможно привнесение радикально нового, не бывшего в мире ранее. Идея творчества, прообразом которой является «творение из ничего», однако, подразумевает, что в основание движения души положено это самое «ничто», превозмочь которое и значит спастись. Однако, потенция творчества не находила выхода в мир, так как само понятие мира было иным. По линии взаимоотношения *души и мира* сам мир, земной град, оказывается фиктивным, лишенным онтологического статуса реальности. Казалось бы, что «он есть лишь в своей причастности к Богу, внебътийному началу»⁷. Но поскольку Бог на двух противоположных полюсах мира, во вне его и внутри души, то «подвешенный» мир зависит и от души, от субъективного. Мир греховен и отчужден от Бога, а дело христианина вернуть мир Богу, «снять» отчуждение. Истоки столь личной вовлеченности в мир находятся в раннехристианском эсхатологизме, предписывающем мыслить ту повседневную действительность, в которую непосредственно «заброшен» человек, как уже разрушенную неминуемой катастрофой, а значит нереальную. Эсхатологическое разрушение мира, как отмечает О.Марквард, имело оборотную сторону, а именно, вело к его контрэсхатологическому восстановлению, но уже на уровне фикции. Впрочем, последствия этого в полной мере проявятся только в Новое время, а в рассматриваемую эпоху, за счет привлечения идеи причастности мир восстанавливается, делаясь местом встречи интенций, исходящих «извне» и «изнутри», и формирующих его пространство как символический, предельно иерархизированный, упорядоченный, пронизанный смысловыми связями «семиотический» (термин У.Эко) универсум. В «восстановленном» мироздании средневековья фиктивное не занимало значительного места и та радикальная ответственность

---

⁷ Библер В.С. Из «заметок впрок» // Вопросы философии 1991. № 6. – С.42

за мир (который фиктивен), что зарождается в раннем христианстве, не эксплицируется в форме какого-нибудь внутримирового действия.

В *Новое время*, эсхатологическое уничтожение мира превращается из неизбежного (imminent) во внутреннее (immanent), продуцируя сознание кризиса, пытаясь спастись от которого человек становится производителем фикций, отвечающих за нормальное функционирование сообщества, и неся за это полную ответственность. Здесь выражается та самая изнанка творчества: *творение ничто из бытия*, во имя любви к миру, к бытию. Вымысел в силу этого нового понимания становится средством создания «картин мира». А поскольку вымысел освобожден от требований референциальности, он является тем самым чистым, парадигмальным представлением, в котором сущность представляющего мышления достигает самой себя в своей безотносительности к вопросам значимости, уместности, правильности. Но такой свободы вымысел достигает на пути автономизации эстетического как «незаинтересованного удовольствия» и помещения воображения в такой дискурс как искусство. В силу этого второго обстоятельства, обнаруживает себя, однако, и невозможность рассматривать его как парадигмальный способ представления, так как на овнешненном уровне вымыслу в искусстве приходится приходиться в соприкосновение с философией, наукой, политикой и другими способами представления.

Задачей *третьего параграфа «Вымысел в современную эпоху»* является анализ вымысла в том культурном состоянии, которое хронологически совпадает с эпохой «современности» Ю.Хабермаса (с конца XVIII века). Человек понимает себя в эту эпоху как действительный, актуальный, подвижный, изменяющийся центр, преобразующий своим движением мир, в котором он себя находит. И, одновременно, человек децентрируется в этом движении, распадаясь на ряд дискурсов (наука, философия, искусство, прaxis, религия), которые, однако, связаны единством их интенции на освоение мира «по-человечески» при откате от признания значимости непрозрачной традиции. У вымысла есть своя дискурсивная ниша в многоголосице интерпретаций, свойственной современности. Это художественная литература и она причастна открытию сущности наряду с философией, наукой и прaxisом. В современной картине мира непрозрачным остается только сам действительный субъект, который обосновывает, но не обоснован. На рубеже веков (кризис классического типа рациональности) происходит «утрата» действительного субъекта, связанная с тем, что мир

увиденный как действительность стал в результате совершенно «очеловеченным», что в нем стало невозможно увидеть более ничего, что не было бы просто отражением человека. Субъект совпал со своим полем зрения, совместив выражение себя вовне и отражение мира вовнутрь, растворился в своих отражениях, неизбежно при этом утратив наивную веру в безусловность своей вне-мирной позиции. Для художественного вымысла утрата субъекта приводит к появлению «дегуманизированной литературы», рефлексия над которой (В.Вейдле, Х.Ортега-и-Гассет, Т.Адорно и др.) приводит к мыслям о «смерти вымысла».

Так, вымысел уже оценивается с помощью метафоры *зеркала*: отражать все то, что напротив, оставаясь ничем. Поскольку отражать все значит не отражать ничего, то подлинная зеркальность есть своя собственная невозможность. Таким образом, происходит возвращение мифа (с его неразличностью характеристик), когда он сливается с Сейчас, завершая свою «диалектику перехода из ниоткуда в никуда», и погружая современника в состояние подлинного солипсизма. Или к новому началу.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены

в следующих публикациях:

1. Иванов А.Г. Вымышление как движение к смыслу // Человек в зеркалах гуманитарного познания. Сб. статей. Тюмень, Издательство «Вектор Бук», 2002. 0, 35 п.л.
2. Иванов А.Г. Вымысел и кино // Экранная культура в генезисе смыслообразования. Коллективная монография. Тюмень, Издательство «Вектор Бук», 2004. 0, 76 п.л.
3. Иванов А.Г. Концепт вымысла как концепт современности // Философские и духовные проблемы науки и общества. Материалы Междисциплинарного гуманитарного семинара "Философские и духовные проблемы науки и общества", IX-я Санкт-Петербургская Ассамблея молодых ученых и специалистов. СПб., 2004. 0,16 п.л.